

авторитетного и истинного исторического знания, равноценного институционализированным его формам (учебнику, документу и т.п.). В целом для сельского сообщества характерно разграничение категорий “история” и “прошлое” (в этом мы солидаризируемся с наблюдением М. Хаккарайнен, сделанном на материале Приладожской Карелии). На просьбу рассказать о прошлом информанты достаточно легко воспроизводят тексты о “раньше” и “теперь” или тексты, связанные с семейно-биографическим опытом (а чаще совмещающие эти аспекты). Что же касается вопросов об истории села, то за ответом на них, скорее всего, посоветуют обратиться к знатоку, специалисту, учителю и т.п. Собственно история оказывается экспертным знанием, носителями которого являются посвященные лица.

Примечания

¹ *Vansina J.* Oral tradition as history. Wisconsin, 1985. P. 8.

² *Johnstone B.* Stories, community and place: narratives from middle America. USA, Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 1990. P. 5.

³ *Portelli A.* The Death of Luigi Trastulli, and other stories: form and meaning in oral history. N.-Y., 1991. P. 26.

Н.В. Дранникова
Архангельск, Россия

Образ жителя Севера в анекдотах*

В данной статье рассматриваются проблемы прозвищной нарратизации, имеющей различные проявления. Речевой стереотип выступает не как законченный дискурс, а как его потенциальность⁶, реализуемая в нарративе. Прозвищный нарратив имеет свои сюжеты и героев. Коллективные прозвища (далее – КП), существующие в виде лексемы, могут встречаться в различных жанрах фольклора, а тексты, в состав которых они входят, образуют отдельную область традиционной культуры. Предметом нашего исследования являются тексты, ставшие знаковыми для местных сообществ, что способствует становлению и поддержанию идентичности этих локальных групп. Они составляют дискурс прозвище/характеристика локальной группы населения. Референт нарратива вполне понятен только определен-

ной группе – его коммуникативная функция реализуется в соседних местных сообществах. Широкое распространение получает только тот текст, чей денотат известен каждому представителю группы.

В последнее время в науке объектом анализа все чаще становятся интерактивные свойства коммуникации (социально значимые параметры, ситуации общения и т.д.). При анализе интересующих нас нарративов мы использовали как жанровый, так и дискурсивный подходы. К изучению фольклорного дискурса обращались различные исследователи².

В прозвищных нарративах широко используются традиционные мотивы комической прозы. При этом наблюдается двусторонний процесс: 1) либо анекдот разворачивается из уже имеющегося прозвища, 2) либо уже существующее прозвище прикрепляется к определенному сюжетному типу. Одна и та же речевая ситуация может порождать и номинативы, и фольклорные тексты. Н.П. Андреев в “Указателе сказочных сюжетов по системе Аарне” выделил раздел “О пошехонцах”³. Ю. Кшижановский в «Систематическом построении “Польская народная сказка”» озаглавил соответствующий раздел “Анекдоты о глупых соседях” (гнездовцах, мазурах, тушквянах), а также о представителях других этносов – русинах, полешуках⁴, венграх и т.д.⁵ В “Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка” (далее – СУС) его составители выделили раздел “О глупцах и простаках (пошехонцах)” (СУС 1200–1349). В русской литературе первым упомянул пошехонцев М.Д. Чулков, затем – В.С. Березайский⁶. Впоследствии анекдоты о пошехонцах неоднократно переиздавались и дополнялись новыми сюжетами⁷. Образы пошехонцев в анекдотах, по нашему мнению, появились под влиянием литературы. В народной традиции глупцами являются не пошехонцы, а представители местных микрогрупп. В 1955 году от сказочника А.И. Кривцова в деревне Гаютино Пошехонского района Ярославской области была сделана запись сказки “Про двух портных пошехоннов”, в которой действуют умные пошехонцы⁸.

В народной комической прозе были свои глупцы (вятские, олонекские, архангельские и т.п.). В анекдотах происходит варьирование локального атрибута персонажей в текстах, построенных по традиционным схемам. Использование локального обозначения, по нашему мнению, связано с реальными социальными отношениями, что тоже является знаком, как и “пошехонцы”, но с большей приближенностью к реальному опыту.

В интересующих нас анекдотах преобладают сюжетные типы “О глупцах и простаках (пошехонцах)”, “О дураках”, реже встречаются “О хитрых и ловких людях”. Этнический / субэтнический образ раскрывается в произведениях комической прозы, относящихся по своему содержанию к этнонимическим.

Различные КП имеют различные сюжетопорождающие возможности, например, большими обладает присловье *толоконники*. Так называли жителей городов Каргополя (Арх.), Вологды и Вятки, Калязина (Твер.), Углича (Яросл.). На территориях Русского Севера и Северо-Запада России был наиболее распространен сюжет о том, как представители различных местных сообществ “Варят кашу (толокно) в проруби” (СУС 1260). Популярность данного мотива во многом связана с тем, что толокно долго употреблялось в пищу в определенных местностях. Анекдот найден нами в трех вариантах: в первом из них глупцы в дороге “варят обед” и затем, не дождавшись его, прыгают в реку Вятку (Вят. фол., с. 9–10). Во втором – после того как кашевар развел толокно в Волге, а ложки едоков оказались пустыми, они уверяют, что толокно съел водяной (Дилакторский, 1894). В третьем – чтобы выяснить, почему толокно не густеет (*хряснет*), каргополы прыгают в прорубь вслед за поваром (Фил. зап., с. 67). Широкое распространение анекдота свидетельствует как о хозяйственной общности указанных территорий, так и об общности когнитивных стереотипов, которые привели к возникновению этих произведений. В XX веке прозвище *толоконники* получило более реалистическое объяснение, его происхождение исполнители мотивируют тем, что вологжане когда-то посыпали толокном дорогу из-за того, что было очень скользко (д. Костюнинская, Вожег, Вол., М.В. Корюхова, 1928).

Некоторые анекдотичные сюжеты появляются в результате нарратизации паремий. В отношении КП *толоконники* нами отмечена не только нарративная, но и паремиологическая стереотипия. В словаре В.И. Даля приводится поговорка о том, что вологжане *толокном Волгу замесили* (Даль, т. 2, с. 32). Само прозвище, возможно, содержит в себе отголоски обряда кормления воды⁹, который был распространен в этих местах.

КП объясняются с помощью анекдотов о глупцах. К “бродячим” сюжетам комической прозы, в которой действуют жители различных микроареалов, относится тип 1287 (Не могут сосчитать: каждый считающий пропускает себя). Он реализуется на уровне различных сюжетов. Жителей деревни Хаврогоры (Холм.) называли *бессчётными*, деревни Кузаранды (Медв., Кар.) – *девятью людьми*. Оба прозвища являются смысловой доминантой группы анекдотов “О глупцах и простаках (пошехонцах)”. Общефольклорные сюжеты приспособлялись к местной истории. Мотивация прозвища в динамике могла меняться от анекдотичной до более “прозаической”. Проиллюстрируем этот процесс на примере присловья *бессчётны(е)*. В нашем распоряжении имеется семь его вариантов¹⁰. Хронологический диапазон их записи составляет около ста двадцати лет. В словаре А.Н. Подвысоцкого, опубликованном в 1885 году, приводится следующий текст:

“Бурею опрокинуло карбас, на котором они (жители д. Хаврогоры, Холм. – Н. Д.) переправлялись через Двину, и когда уцелевшие стали их искать, то хотя всех их плыло сорок человек, из реки вытащили уже пятьдесят утопленников, но они утверждали, что еще не всех досчитались”.

В современной записи анекдота, сделанной в 2003 году, хаврогорцы тонут по вине безногого перевозчика Николая Маркова. В лодку садится сорок человек, а на другой берег переплывает всего тридцать девять. Личность и исчезновение одного из них оказываются покрыты тайной. Анекдот наполняется конкретным содержанием, в тексте просматривается тенденция к его превращению в рассказ. В то же время появление в нем фигуры *безногого перевозчика* позволяет включить его образ в систему традиционных представлений, где “чужие” наделялись телесными аномалиями.

В другой записи, как и предыдущая относящейся к началу XXI века, вместо хаврогорцев в реке утонули коровы. Сюжетная ситуация с утонувшими коровами, которые также оказались “бессчётными”, но уже по другой причине – из реки выловили гораздо больше трупов, чем утонуло коров на самом деле. В современном варианте текст дополняется рационалистическими объяснениями:

“Бессчётные Хаврогоры” назывались так потому, что у них утонули коровы. А когда коров выловили, их оказалось больше, потому что ниже по течению уносило трупы других коров, которые тонули раньше. Поэтому точно не знали, сколько утонуло коров. Вот жителей Хаврогор и называли “бессчётные Хаврогоры”.

(Архангельск, И.К. Помазкина, 1985)

Географические объекты, фамилии, различного рода реалии, упоминающиеся в текстах, являются аргументами, подтверждающими истинность изложения. В анекдоте появляются “прозаические” подробности и географические объекты, например: хаврогорцы едут в лодке на праздник в село Емецкое и т.п. С течением времени произошла бытовизация КП, а само оно получило более реалистические мотивации: *было огромное количество деревень, поэтому возникло прозвище*¹¹ (Архангельск, Ю. Гельфанд, 1983) или *выращивали много пшеницы, поэтому и “бессчётны”* (Архангельск, Л. Маслова, 1982). В парадигму вариантов анекдота входит еще один сюжет – «хаврогорцы запутались в подсчетах мешков с мукой, и поэтому стали называться “бессчетными”. В анекдотах упоминается, что антропоним возник в соседней деревне Пингише. Между двумя этими деревнями существовала конкуренция, которая происходила из-за того, что в Пингише была плохая земля (урожай были низкими и, кроме репы, ничего не вырастало), а в Хаврогорах – хоршшая, и урожаи были высокими. Широкое распространение коллективных именовании микрогрупп, прожива-

ющих в Хаврогорах и Пингише (см. далее), позволяет утверждать, что здесь находился один из исторических центров Подвинья. Данный сюжет повторяется на территориях различных регионов и встречается в Карелии. Его модификацию представляет собой анекдот о происхождении КП *девяты(е) люди*, которым называли жителей деревень Кузаранды (Медв., Кар.) и Суйсарь (Кар.). Первый его вариант был опубликован в 1863 году К.М. Петровым¹². Еще один текст в 1898 году обнаружил Г.И. Куликовский.

Современная запись анекдота была сделана в начале 1980-х годов Л.П. Михайловой. Его содержание уже редуцировано: жители деревни Суйсарь пересчитывают не себя, а свои шапки (Михайлова, с. 69). Числительное *девятый* имеет значение насмешки¹³: *девята(я) кость от задницы, девята(я) вода на киселе*, что означает “дальняя родня” (с. Карпогоры, Пин., В.Н. Рухлов, 1960). Мы полагаем, что еще одним значением атрибутива *девятый* является *удаленность*.

Как правило, в таких анекдотах соседи совершают неправильные поступки, их действия лишены логики. Они сеют соль, тащат на крышу корову, пытаются доить кур, вгоняют лошадь в хомут и т.д. В корпус сюжетов “О дураках” входит сюжетный тип –1698*С (Мужицкое поздравление). Рассмотрим особенности его бытования в Архангельской и Вятской областях и Карелии. Жители села Долгощелье Мезенского района (Арх.) получили прозвище *турки*. Именование *турки* довольно часто встречается в прозвищном ономастиконе Северо-Запада России. Любой экзотным служит обозначением инородного, неправильного, некультурного. В нашей коллекции в нескольких вариантах представлены объяснения его происхождения¹⁴:

В Долгощелье ехал архиерей. Народ встречал его на берегу, а один мужик на лодке поплыл навстречу. Лодка перевернулась, и мужик стал тонуть. Толпа народа это увидела, и кричит одна половина: “Да здравствует!”; другая – “Спасай, тонет!” Архиерей послушал и сказал: “Ну, и турки!”¹⁵

(г. Мезень, М. Терентьева, 1982)

В анекдоте содержится травестизм: в некоторых вариантах вместо священника приезжают цыгане, царский воевода, губернатор, родственник царя, князь или К.Е. Ворошилов, когда-то отбывавший здесь ссылку. В текстах с упоминанием царского родственника правомерно видеть “глухое” воспоминание о Великом князе Владимире (дяде Николая II), который командовал Санкт-Петербургским военным округом и, действительно, совершил поездку в Поморье в 1884 году. КП *турки*, как и другие иноэтнические антропонимы, связано с категорией “инога”, потустороннего. Поведение жителей Долгощелья, которые нарушают установленные нормы поведения, соответ-

ствует восприятию “чужого” в народной культуре. Ситуация приезда значительной персоны носит инвертированный характер. Вместо торжественной встречи сельчане ведут себя как во время трагического происшествия. В некоторых вариантах рассказа, пока все жители были на берегу, их дома разграбили цыгане, вызвавшие эти дополнительную суматоху. Встреча приобрела фарсовый характер.

Жанровые границы в повествовательном фольклоре очень зыбки. Анекдот о *долгощельских турках* в одной из записей приобретает черты социально-утопической легенды о дальних землях и обретении идеала (с. Койда, Мез., Д. Малыгина, 1985)¹⁶. Согласно ей, местный житель мечтал увидеть Турцию, но его мечте не суждено было осуществиться, и он в дальнейшем основал деревню Турцию, которую впоследствии переименовали в Долгощелье, а ее жители получили прозвище *турки*. К дискурсивным особенностям текста относятся комментарии исполнителя: “*Кто знает, что ему в голову взбрело*”.

Ситуация ошибочного узнавания/неузнавания персонажа является типичной для комической прозы. В соседних с Архангельской областью регионах сюжетному типу “Мужицкое поздравление” близки тексты о происхождении КП *молотниковские турки* (Вят.) и *Кулмуksа-звонари* (Кар.). В них за *турок* принимают катальциков валенок, когда-то ходивших по деревням с целью заработка (Вят. фол., с. 14), или же во время русско-турецкой войны их путают с артелью рабочих, возвращавшихся с завода (Зеленин, Путеводитель, с. 152–153; Вят. фол., с. 11). В анекдотах этого типа преобладает мнимая логика событий и поведения персонажей. Жители Кулмуksы торжественно ждали к церковной службе *батюшку*, поэтому при виде первых появившихся саней начали звонить в колокола, но вместо “уважаемого гостя” в санях оказался цыган (Михайлова, с. 70–71). *Звонарь* – человек, звонящий в колокола, в народной речи – пустозвон, болтун. В прозвище слились оба эти значения.

Ситуация неожиданного появления какой-нибудь значительной персоны или большой группы людей, вызывающей своим появлением путаницу, оказывается широко распространенной в нарративах, являющихся знаковыми для различных микрогрупп. Сюжетную модификацию СУС–1698*С представляет собой текст, объясняющий происхождение коллективного именования жителей деревни Плёсо (Холм.) *японцы*¹⁷. Он объединяет в себе жанровые признаки анекдота и предания. Время его возникновения относится исполнительницей к периоду гражданской войны (при этом имелась в виду русско-японская война 1905 года. – Н. Д.).

Деревню Плёсо (Хаврогоры) прозвали Японией. Еще в годы Гражданской войны это случилось. Какой-то раз заметил мужичок боль-

*шое количество людей, поднимающихся на угор, сразу заметил – не-
здесьние. А ведь война была, поднял панику: “Японцы, японцы насту-
пают!” (а в это время было много интервентов), люди поверили: не
было у них ни газет тогда, ни радио. Всей деревней бросились защи-
щать свои дома, детей: кто с косой, кто с лопатой, кто с граблями, у
кого и ружье! Вышли – ждут боя. Вдруг смотрят: а это никакие не
японцы, а наши русские, красногвардейцы то есть! С тех пор и зовут
Плёсо Японией.*

(Архангельск, Г.П. Опокина, 1932)

Коллективная историко-культурная память является неотъемлемой ча-
стью локальной идентичности. Анекдот содержит факты местной истории.
В нем упоминаются оккупировавшие Русский Север в 1918–1920 годах ин-
тервенты, лагеря которых располагались на территории бывшего Холмо-
горского уезда, столкновения оккупантов с войсками Красной армии, мес-
том действия является *угор* – обрывистый берег реки Северная Двина.

В анекдотах происходит постоянная путаница, смешиваются различные
ассоциативные ряды. Point анекдота о глухих/глухом, относящихся к сю-
жетным типам 1698, основан на паронимической аттракции. Содержащая-
ся в них языковая игра является средством осмеяния соседнего сообще-
ства и эксплицирует их глупость как основную групповую черту.

*Жителей села Сояна называют “глухарями”. А называют так потому,
что много лет назад приехал в это село один барин. Окликнул он близко
проходящего мужика. А тот ему: “Чаво? Чаво? Чаво?” “Поди сюда!” –
кричит барин. “Чаво вам?” “Поди сюда, дурень!” – крикнул барин.*

*“Кого приведи?” – ответил мужик. “А, поди ты отсель, глухарь
ты этакий”, – буркнул барин. Сел он обратно в сани и поехал, крикнув
напоследок: “Вот и живите глухарями, света Божьего не видя”¹⁸.*

(с. Койда, Мез., Е.М. Малыгина, 1930)

Кульминация рассказа включает в себя разговор барина с местным
мужиком. Она строится на каламбуре – смешении слов *лоди* (иди) и *при-
веди*. Анекдот имеет неожиданную концовку, в которой барин дает прозви-
ще местному сообществу. В анекдоте переплетаются два мотива: “Не по-
нимают друг друга из-за глухоты” и “Комические ответы насмешника (му-
жика) простаку (глупому барину)” (№ 1702 С*).

Образ места создается в фольклоре в первую очередь. В фольклорном
тексте реализуются когнитивные стереотипы. В приведенном тексте при-
сутствуют знаки, репрезентирующие локальную идентичность: сообщество,
получившее прозвище, живет в глухом лесу, деревня расположена на реке
Сояне – притоке Кулоя, о пренебрежительном отношении к микрогруппам,
проживающим по притокам, мы писали в других главах. Контакты этих со-

обществ с другими местными социумами были весьма ограничены, что и наложило отпечаток на его содержание.

Представители локальных групп выступают в анекдотах неловкими и беспомощными. Они постоянно совершают нелепые поступки. Любители *тjаста/теста* заонежане всегда берут его с собой в ведре – *квашонке*. Однажды она проваливается сквозь сани и начинает мешать их движению. Но вместо того, чтобы вынуть *квашонку*, заонежане начинают “понукать лошадь”, а потом делают вывод, что они наехали на пень (Куликовский, с. 123). К анекдотам “О глупцах и простаках” восходит один из вариантов объяснений КП *тестянки*. Он заключается в том, что заонежане в озере *рубил кадушку с тестом* (НКТК). Заонежским *тестянникам* близки пинежские *мусённики* (д. Каскомень, Пин.). Они, как и заонежане, всегда брали с собой в дорогу туес с *мусёнкой* (кашей из ячменя). Но, в отличие от заонежан, каскоменцы были не только “глупыми”, но и жадными. В роли мифологического трикстера, из-за действий которого возникло прозвище, в анекдоте выступает местный старик. Находясь в другой деревне в гостях, он варит для себя *мусёнку*, а ее остатки забирает с собой (с. Сура, Пин., А.И. Дорофеева, 1913).

Сакральное в анекдотах меняется местами с профанным. Молитва, которая должна быть обращена к Богу, посвящается лесной кокорке. Жители города Котельнича (Вят.) во время половодья приняли плывущее по реке дерево за чудовище и начали молиться ему, чтобы оно не встало поперек реки (Зеленин, НП, с. 76; Зеленин, Путеводитель, с. 152). В публикации А. Можаровского молитва включена непосредственно в текст: “*Лиловая кокорка! моли Бога о нас*”¹⁹.

Еще одним из наиболее распространенных сюжетных типов прозвищной комической прозы является 1699 (О неправильном произношении). К нему относятся тексты о зырянах, пустозёрах, устьцилемах и карелах, опубликованные в книге Н.Е. Ончукова (№ 23–25, 214). В архиве Поморского государственного университета указанный тип представлен текстом, объясняющим происхождение прозвища жителей острова Моржовца (Мез.), расположенном в Белом море²⁰.

Недалеко от деревни Койды находится в самом Белом море остров Моржовец, который тридцать два километра в длину и десять километров в ширину. Мало людей там живет, но люди и им прозвище дали – “морыками” зовут. А прозвище это произошло потому, что жил там раньше старичок, который не мог выговаривать слово “морж”, да и не пытался. Как пойдет он за морошкой, лень его одолеет, и выйдет он на бережок, ведёрко поставит и кричит: “Морыки, морыки, сюда плывите да морошку в ведерко соберите!”. Говорят, полоумный

он был. С тех пор немногочисленное население этого острова называют “морыками”.

(с. Койда, Мез., Е.М. Малыгина, 1930)

Анекдот содержит в себе местные реалии: его действие происходит на острове, который расположен в Белом море, на нем растет северная ягода морошка, указывается, что население острова немногочисленно. В содержании анекдота важную роль играет сказочный мотив “разговор человека с животными”. Он напоминает сказку “По щучьему велению” (СУС 675). Этнопсихологическим стереотипом, связываемым с локальной микрогруппой, проживающей на Моржевце, выступает лень.

Одни из сюжетов анекдота были популярны и широко распространены в различных регионах России, другие явились редкими. Редким можно считать сюжет о жителях деревни Евсино Каргопольского района, записанный фольклорной экспедицией РГГУ²¹. Сюжетобразующую роль в нем играет ситуация смехового обнажения, имеющая характер инвективы, когда с целью оскорбления противника ему показываются половые органы. Анекдот передает представления соседних сообществ о глупости местных жителей. Приведенный выше текст лишь отдаленно взаимодействует с сюжетным типом 1262 (Глупец мысленно грешит с попадией, стоя на другом берегу реки), но ни в коем случае не повторяет его.

К выделенной группе анекдотов примыкают сюжеты об “инородцах” (представителях других этносов). Они, как и предыдущие, относятся к сюжетному полю номеров СУС 1200–1349 “О глупцах и простаках (пошехонцах)”. Некоторые из них помещены в раздел “Разные дополнения к анекдотам”²². Впервые они были выделены А.Н. Афанасьевым²³. В сборнике сказок он опубликовал тексты о *москалях* (№ 454, 461, 469–475, 478), *панах/поляках* (№ 468, 467, 479), *хохле* (№ 521), *жидах* и представителях других этносов. Е.А. Чудинский назвал подобные тексты *побасенками*²⁴.

В публикациях Е.А. Чудинского и Н.Е. Ончукова имеются тексты о зырянах²⁵ и карелах. Один из них (о кареле) не был опубликован Н.Е. Ончуковым из-за его неприличности²⁶. “Инородцы” в них не понимают обычных явлений, их поступки алогичны. В анекдотах активно используется имитация речи этнически “чужих”. Представители других этносов говорят о себе в среднем роде (*одно*) или во множественном числе (*ми*). Этноним карел также употребляется ими в среднем роде – *корело*²⁷, в их именовании используются фамильярные формы – *кареляк*, *корело*, что усиливает представление об их “глупости”. Я.И. Гин высказал мнение о том, что в текстах сказок встречается колебание рода персонажей²⁸. Он отмечал, что колебания рода присущи персонажам “чужого мира”, антагонистам. Представители чужого этноса в народной культуре ассоциировались с колдунами.

Для корпуса анекдотов об инородцах является типичным мотив “непонимание инородцами самых обычных явлений и предметов”. В “Филологических записках” за 1901 год был опубликован анекдот о русском путешественнике, передвигающемся в обществе карел, СУС – 2220** <Человек неправильно понимает либо не расслышал слова собеседника> :

Один путешественник странствовал в обществе карел, утомившись переездом через озёра, спросил, скоро ли доберутся. В ответ на это “карел” ответил: “Скоро, бачка, скоро – большая половина проехали, а эта половина гораздо поменьше”²⁹.

(Фил. зап., с. 64)

Карел не может объяснить, какое расстояние он проехал. Ему не понятен смысл слова “половина”. Она, по его мнению, может быть *большая* и *меньшая*. Глупость “инородцев” в анекдотах может принимать гиперболические формы. В тексте № 26 из сборника Н.Е. Ончукова СУС 2073* (Год такой) заключается насмешка над зырянами, проживающими в селе Усть-Ижма (Коми). Его сюжет содержит диалог, в котором один из зырян объясняет появление в деревне большого числа беременных “неудачным” годом. В книгу был помещен еще один “зырянский” анекдот – “Зырянская вера” (Ончуков, № 30)³⁰. “Инородец” нарушает христианские заповеди: во время ледохода он из чувства страха начинает угрожать святому Николаю, за что и получает возмездие – его дом пробивает льдина. В анекдоте сталкиваются два контекста: один связан с набожностью пустозёр, второй – с их хитростью и жадностью. Их пересечение создает дополнительный комический эффект. В символическом плане действия зырянина соотносятся со сферой “иногое”, “потустороннего”; а в реальном – с глупостью и недостаточной сообразительностью. Как уже отмечалось, повествовательный фольклор отличается жанровой диффузией. Кульминация анекдота (разрушение дома) вызывает ассоциации с легендой с сюжетным мотивом “наказание за непочитание”.

В шуточных рассказах русские высмеивают лень карел. Их ограниченность подчеркивается имитацией их речи: произнесение шипящих вместо свистящих звуков: “*Эхе-хе. Шкоро ли шуббота-то, хоть бы в байну сходить*” (Ончуков, № 214). Звукоподражание – один из способов, характеризующих представителей “иногое” мира. Отклонение от норм речевого поведения – важная отличительная черта мифологических персонажей³¹. Этот прием часто используется для характеристики представителей соседних микрогрупп и других этносов. Глупость зырянина подчеркивается его речью, коверкающей русское произношение (Ончуков, № 23). Усердно молясь иконе Богородицы, он из-за своего рвения нечаянно сжигает ее. Это же значение имеет известная русская пословица: “*Заставь дурака молиться – лоб расшибёт*”.

В народной традиции существуют анекдоты и с противоположным содержанием, в которых сами “инородцы” высмеивают русских, – “Зыряне смеются над устьцылёмцами” (Ончуков, № 25). Они передразнивают особенности их речи – тянут как русское население Печоры гласные звуки (*Парфентей –е – й, а Парфент– е– й!* / – *Чего – о?* / – *Куда пое-х-ал?* / – *В Пинег – у.* / *Пошто – ле – е?* – *На база – а – р.* / *Купи мне икон – у.* / – *Какую – ю?* / *А Миколу – у*); и их набожность, вероятно, связанную с сильным распространением на Печоре старообрядчества. Значительная часть русского населения данного ареала была потомками защитников старой веры, бежавших из центральных губерний от преследования³². Анекдот был записан от зырянина-ижемца Ю.П. Канева³³, занимавшегося торговлей и часто бывавшего в Москве и Петербурге. Его вид деятельности способствовал расширению кругозора, что позволило ему в культурном отношении подняться над русским населением Печоры. От других “инородцев” зыряне отличались предприимчивостью и более высоким уровнем развития, они “служили посредниками в торговых сношениях запада с Сибирью, Туркестаном, Персией и даже Индостаном. Торговые пути, пролежавшие через Уральские горы, до сих пор известны под именем “зырянских дорог”³⁴. Этим можно объяснить нетипичность для прозвищного дискурса восприятия русских зырянами.

Сами русские, находясь в иноэтнической среде, продолжали высмеивать своих соотечественников – “Устьцилёмцы над пустозерцами смеются” (Ончуков, № 24). Вышучиванию подвергались хитрость и жадность последних. Соперничество между Усть-Цильмой и Пустозерском могло происходить из-за рыбных и звериных угодий. Пустозёры были богаче устьцилёмов, так как имели больше угодий, расположенных по Печоре, Большеземельской и Малоземельской тундрам.

Одни и те же сюжеты были распространены в различных регионах Европейского Севера России. Устойчивые мотивы о глупцах прикреплялись не только к самому Пошехонью, но и к соседним с Ярославской областям – Архангельской, Вятской, Вологодской, Карелии. В сказочной прозе известны анекдоты о том, как глупцы “носят солнечный свет в мешках (решетах, корытах): в дом без окон” СУС 1245. Аналогичный сюжет используется в качестве характеристики жителей городов Кадники (Вол.) – “*Кадниковцы – в бочонок солнышко ловили*” (Дилакторский) и Рязани, которые тоже “*мешком солнышко ловили*” (Даль, т. 2, с. 461). В книге иеромонаха Леонида “История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иеромонахи”³⁵ содержалось свидетельство о существовании обряда “загонять солнце под Петров день”. Присловья содержат в себе отголоски этого обряда. А.Л. Топорков, анализируя формулу севернорусских причита-

цы стреляют из ружья” восходит выражение “*Вятские мужики зарядили трубу и выстрелили в сторону Турции*” (Архангельск, Л.В. Мельникова, 1953).

Гораздо реже в нарративах местное сообщество является умным и сообразительным⁴⁴:

Целегора (Мез.) – рекоставы. Однажды долго река не вставала. А сено за рекой, как-то надо везти его скотине, которая была голодной. Догадались: веревку протянули над самой водой да шугу остановили, и русло замёрзло⁴⁵.

(с. Дорогорское, Мез., А.Е. Тярсова, 1920)

Целегора – ледоставы. Мужики связали красны кушаки и хотели поставить ими реку. И поставили.

(д. Жердь, Мез., А. А. Чикина, 1956)

В приведенном выше анекдоте локальная микрогруппа предстает в виде демиурга, своими руками создающего культурные объекты. Его сюжет и оценка сообщества, заключенная в нем, не являются типичными для корпуса исследуемых нами текстов. В нем преобладают “глупые” и “ленивые” соседи. Тексты о трудолюбивых и изобретательных героях являются самохарактеристиками и возникают обычно внутри группы, к которой они относятся.

Как мы уже неоднократно отмечали, анекдотичные мотивы прозвищного фольклора имеют тенденцию перехода в реалистические объяснения. Одна из современных мотиваций приведенного выше присловья восходит к особенностям местного ландшафта: река напротив деревни Целегоры “*встаёт раньше, чем в других деревнях*” (Архангельск, А.И. Ермолинская, 1954).

Реальное событие, некогда имевшее место в жизни локальной микрогруппы, может фольклоризоваться. Анекдотичный случай произошел в селе Строевское Устьянского района (Арх.). Во время паводка баня одного из его жителей оказалась принесена водой в огород одинокой женщины.

Да ходит одна байка, связанная с разливом рек. На самом деле может это было. Мужик баню новую построил, сезон баня не отстояла. Разлив внезапно начался, за ночь вода сильно поднялась, баню и смыло, унесло течением, далеко унесло, в соседнюю деревню. И осталась баня в огороде бабы одной. А баба одинокая была – тяжело в хозяйстве. И бани, главное, своей не было: к соседям просилась мыться. А тут утром во двор выходит, и баня стоит. Говорят, даже судились эти двое тогда. Баба не хотела баню отдавать.

Хотя может быть байки это всё. Но с тех пор мужика “поплавок” звали, а потом и всё село так. Много ведь ещё чего-то у людей поуносило⁴⁶.

(с. Строевское, Уст., П.И. Сысоев, 1949)

Сюжет анекдота, как и предыдущий, не является типичным для прозвищного фольклора. Он относится к группе “Счастье по случаю” (1640–1674).

Мы отмечаем, что некоторые из сюжетов, находящихся в нашей коллекции, оказались не внесены в “Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка” или же только условно близки сюжетному типу, помещенному в СУС, например: о том, как жители одной деревни поставили реку своими поясами (веревками); о бане, приплывшей по воде в огород; о смеховом обнажении представителя локальной микрогруппы перед жителями другой деревни с целью оскорбления последних и др.

Обобщим наши наблюдения. Стереотипия, как известно, может быть: а) речевой, б) когнитивной. При этом когнитивные стереотипы реализованы только в речи или невербальных акциях, но при этом для каждой локальной традиции существуют свои региональные особенности восприятия соседей. Соотношение общей и локальной типизации является одним из интересующих нас вопросов. Прозвищные нарративы репрезентируют те же когнитивные стереотипы, что и вся сфера прозвищного фольклора. Локальные микрогруппы осознают свое групповое единство. Оно выражается в выборе ими своего КП, например: *мамоны*, *заугольники*, *бессчётные* и др. Свое единство сообщества осознают через противопоставление соседним группам. Они указывают на формы восприятия других (соседей), свойственные локальным сообществам: насмешку, презрение, опасение и др. Группе свойственно преувеличивать свои достоинства и преуменьшать их у других. Стереотип – упрощенный, эмоциональный образ какой-либо локальной группы. Стереотипным является восприятие соседей как разбойников и воров, как глупцов и простаков. В отношении своего сообщества действуют такие стереотипы, как ум и трудолюбие.

Некоторые общезнаменитые сюжеты получили местную привязку. Прозвищные анекдоты содержат в себе типичные мотивы комической прозы: “О глупцах и простаках (пошехонцах)”, “О дураках”, реже среди них встречаются – “О хитрых и ловких людях”, которые в то же время представляют их оригинальные местные версии. На территории Северо-Западного региона России наиболее распространенными оказались следующие сюжетные типы: “Мужицкое поздравление” (–1698*С), “О неправильном произношении” СУС 1699, “О глупцах и простаках (пошехонцах)” СУС 1200–1349. Среди последних широкое бытование получил сюжет о том, как глупцы “Варят кашу (толокно) в проруби” СУС 1260, “Не могут сосчитаться: каждый считающий пропускает себя” СУС 1287 и др.

КП обладают различными сюжетными возможностями. Одни из них “разворачиваются” в тексты или прикрепляются к общезнаменитым сюжетам, другие существуют в виде номинатива. Частотным мотивом яв-

ляется прикрепление прозвища вначале к одному человеку, а затем переход его на всю локальную микрогруппу.

Условные сокращения

- Арх.** – Архангельская губерния/область
Даль – Пословицы русского народа: Сб. В. Даля в 3 т.М.: Русск. кн., 1993.
Дилакторский, 1894 – *Дилакторский П.* Прозвища жителей некоторых городов Вологодской губернии // Вологодский иллюстрированный календарь. Вологда, 1894.
Вожег. – Вожегодский район Вологодской области
Вят. фол. – Вятский фольклор. Котельнич, 1998
Медв. – Медвежьегорский район Карелии
Мез. – Мезенский уезд/район
Кар. – Карелия
Твер. – Тверская губерния/область
Фил. зап. – *В.И.* Народные присловья о городах и племенах Олонцкого края // Филологические записки. Воронеж, 1901. Вып. 1-2. С. 61-71.
Холм. – Холмогорский уезд/район
Яросл. – Ярославская губерния /область

Примечания

¹ *Сандомирская И.* Стереотип как суждение vs стереотип как нарратив // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. М., 1995. С. 108.

² *Санникова О.В.* Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // Славянский и балканский фольклор. Верования. Тексты. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 44–83; *Смольников С.Н.* Фольклорный текст и дискурс // Текст. Культура. Социум. Вологда: Русь, 2000. С. 32–51.

³ *Андреев Н.П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

⁴ Имеются в виду *полешуки* – жители украинско-белорусского Полесья.

⁵ *Krzyzanowski I.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Т. II. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963.

⁶ Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Новикова. Л., 1971. С. 36; *Молдавский Д.М.* Василий Березайский и его “Анекдоты древних пошехонцев” // Русская сатирическая сказка в записях середины XIX – начала XX в. / Подгот. текста, ст. и коммент. Д.М. Молдавского. М.; Л., 1995. С. 236–245.

⁷ Похождения пошехонцев, вновь составленные по народному преданию и другим источникам М. Евстигнеевым. М., 1873; Анекдоты или похождения старых пошехонцев. Изд 3-е. СПб., 1898.

⁸ Песни и сказки Ярославской области / Под ред. Э.В. Померанцевой. Ярославль, 1958. № 23. С. 90–96. Запись была сделана Ю.И. Смирновым.

⁹ Впервые такое предположение было высказано Е.Л. Березович (г. Екатеринбург). Обряду “кормления” воды посвящена статья Ю.И. Смирнова “Кормление воды” // Литература Сибири. Памяти Александра Бадмаевича Соктоева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 1–13.

¹⁰ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 8, 30, 113, 151, 197, 212, 206, 221, 245.

¹¹ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 8.

¹² Петров К.М. Присловья Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 33.

¹³ Михайлова Л. П. Фараоны, девятые люди и другие жители Карелии // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 69–70 (далее – Михайлова).

¹⁴ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 5, 7, 71, 84, 122, 125, 132, 199, 207, 233, 249, 265, 284, 291, 309.

¹⁵ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 5.

¹⁶ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 199.

¹⁷ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 197.

¹⁸ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 210.

¹⁹ Можаровский А. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Казань, 1882. Приложение: Присловья городам Вятской губернии. С. 93–94.

²⁰ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 210.

²¹ Трофимов А. Присловья: Материалы Каргопольской экспедиции РГТУ // Живая старина. 1997. № 3. С. 56.

²² Там же. С. 380–392.

²³ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах / Подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984–1985 (Литературные памятники).

²⁴ Северные сказки: Сб. Н.Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. С. 10 (далее – Ончуков); Чудинский Е. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864.

²⁵ Зыряне – коми.

²⁶ Северные сказки. Кн. 1. С. 34.

²⁷ Чудинский Е. Указ. соч. С. 139.

²⁸ Гин Я.И. Из наблюдений над грамматической категорией рода в русской народной сказке // Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избр. работы. СПб., 1996. С. 9–25; Он же. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск, 1992. С. 142.

²⁹ В. И. Народные присловья о городах и племенах Олонецкого края // Филол. запiski. Воронеж, 1901. Вып. 1–2.

³⁰ Северные сказки. Кн. 1. № 26.

³¹ Виноградова Л.Н. Как распознать чужого среди своих // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре: Studies in Slavic Folklore and Folk Culture. Berkeley Slavic Specialities, Oakland, California. Вып. 1. 1997. С. 53–62; Белова О.В. “Другие” и “чужие”: представления об этнических соседях в славянской народной культуре // Признаковое пространство культуры. М.: Индрик, 2002. С. 71–85.

³² *Жилинский А. А.* Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Пг., 1919. С. 189.

³³ *Ижемцы* – этнографическая группа народа коми, проживавшая по Средней Печоре. А. А. Жилинский пишет о том, что в Ижме “сосредоточены почти все капиталы Печорского края”, “отсюда ведется торговля по всему Печорскому краю и поддерживаются коммерческие сношения с Москвой и Петербургом”. См.: *Жилинский А. А.* Указ. соч. С. 189.

³⁴ Там же.

³⁵ Цит. по: *Зеленин Д. К.* Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 38–58. *Леонид, иеромонах.* История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иерархи. Калуга, 1876.

³⁶ *Топорков А. Л.* Почему решетом свету nanoшено // Русская речь. 1985. № 1. С. 121–123.

³⁷ Текст передан канд. истор. наук, ведущим научным сотрудником ИЯЛИ РАН (г. Петрозаводск) К. К. Логиновым.

³⁸ *Сандомирская И.* Книга о Родине. Вена, 2001. С. 49.

³⁹ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 50, 77, 85, 172, 181, 319.

⁴⁰ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 50.

⁴¹ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 2; *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Терра, 1996.

⁴² ЛАД (зап. в 1979 в д. Погорелец, Мезенский р-н, от А. Ф. Ушаковой, 1930).

⁴³ В книге Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко “Смех в Древней Руси” (Л.: Наука, 1984. С. 284). приводится следующий текст: “*Покупала по четыре бенецки, продавала по две грошки. Барыша куца куцей, а денег ни копейки*”.

⁴⁴ Тексты о *рекоставах* см.: ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 2, 33, 91, 130, 280, 298, 302, 313.

⁴⁵ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 302.

⁴⁶ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 336.

С. М. Лойтер
Петрозаводск, Россия

Роль краеведов Карелии (Олонецкой губернии) в истории фольклористики*

Известно, какое место в истории русской фольклористики занимает фольклор, записанный на территории Карелии (бывшей Олонецкой губернии) в